

Глава 1

39 год н. э., город Вьен, Галлия

Понтий Пилат посмотрел на водяные часы, поддерживаемые двумя нимфами из полупрозрачного зеленоватого камня, который был вывезен из Палестины в качестве военного трофея. Утекавшее время напомнило ему о том, что за ним очень скоро явятся имперские легионеры. Это был вопрос даже не недель, а дней. Он бросил взгляд на портрет императора Калигулы — человека, который отстранил его от исполнения обязанностей прокуратора Иудеи, а потом отправил в изгнание во Вьен. Здесь его жизнь была полна удовольствий.

Рабы поставили украшенную орнаментом в виде виноградных листьев амфору на столик с ножками, выполненными в форме львиных лап, который стоял подле золотого ложа, где время от времени появлялись томные полногрудые женщины, но он этого даже не заметил. Понтий Пилат устал. В мрачном будущем он не видел даже тени радости.

— Все мы умрем, — сказал он, обращаясь к облаченному в латы императору, чей безумный взгляд был устремлен куда-то поверх колонн. — Но я не доставлю тебе удовольствия убить меня.

Все свидетели судебного процесса по делу Христа уже были мертвы: одних казнили, других отравили, третьих довели до самоубийства. Первым был Каиафа, первосвященник Иерусалима, за ним последовали его сообщники-саддукеи, потом Ирод Антипа и Иродиада. Понтий мысленно отмечал, как они поочередно покидали этот мир.

Калигула, этот злой гений, после смерти своей сестры и супруги Друзиллы стал убивать ради удовольствия. Тысячи людей умирали по его приказу по всей империи. Понтию Пилату рассказывали о сумасбродствах императора, тратившего десять миллионов сестерциев на один только ужин, строившего «плавучие дворцы» — корабли, украшенные пурпуром, золотом и драгоценными камнями и несущие на борту деревья, виноградники и портики. Бросая вызов богам, Калигула швырял соотрапезников в море или отдавал палачам, принуждал семьи казненных отдавать ему все свои богатства. Недавно он установил несправедливые налоги. В настоящее время император жил в Лионе, чередуя праздники и казни. Совсем недавно он поиграл в солдатиков в Германии, а после заставил армию собирать ракушки на пляжах Булони. Во время пребывания в столице Галлии его вдруг охватила страсть к поэзии, и теперь незадачливых сочинителей он либо заставлял стирать свои произведения собственным языком, либо отправлял их топиться в водах Роны.

Вьен расположен к Лиону так близко...

Смерть так близка...

Понтий размышлял о совершенной им ошибке. Призрак Иисуса следовал за ним по пятам. Вместо того чтобы полагаться на правильность решения иудеев, ему следовало помиловать Христа. Спасти Сына Человеческого. Уже в то время обязанности прокуратора Иудеи стали для него непосильным

бременем. Войдя в Иерусалим с армией и поместив портреты императора в храме, он восстановил против себя все население. А еще на его совести несколько убийств иудеев... Он снова и снова спрашивал себя, куда девалось тело Иисуса.

Он воскрес?

По его приказу солдаты обыскали все пещеры и все дома. Он беспрерывно допрашивал Марию, Марию из Магдалы, и апостолов, сжимал в руках саван, в который было завернуто тело умершего, отчаянно пытаясь если не узнать, то хотя бы почувствовать душой... Однако стоило савану оказаться в руках, как прокуратора охватывали сомнения и угрызения совести. И Понтий снова и снова вспоминал момент, когда он умыл руки, отдав Иисуса на суд народа Израилева.

Позднее, осознав свою ошибку, он организовал побег Марии из Магдалы, Марты, Иакова, Саломеи, Максимиана и семидесяти двух других учеников, чем вызвал императорский гнев. Кроме прочих на корабле, которому предстояло пересечь Средиземное море, находились священные дети.

Следует ли ему предпочесть цыкату кинжалу, когда он решит положить конец своим дням? Понтий Пилат размышлял о том, как лучше «покинуть сцену». Но, прежде чем покончить с этой жизнью, ему предстояло еще кое-что предпринять.

Секретарь по имени Каллий отвлек Пилата от невеселых мыслей.

— Гонец сказал, что они ждут тебя на перекрестке Бахуса.

— Ах! — только и смог воскликнуть Понтий.

Казалось, он впервые видит своего секретаря. Крепкого сложения белокурой галл здесь был явно не на своем месте. И все же однажды он получит все: изваяния богов, картины, изображающие победы Цезаря, золотую и серебряную посуду, принадлежащие Понтию латы и кирасу, украшенную изображением скрещенных зигзагов молнии, и меч, освященный на алтаре бога Марса.

Но существует ли все это на самом деле?

— Господин, они ждут тебя! Им угрожает опасность! Шпионы Калигулы рыщут повсюду!

Понтий опустил голову. Он не повторит ошибок прошлого. На этот раз он не покинет Христа. Под портретом императора стояло деревянное, покрытое тонким слоем позолоты изваяние льва, основание которого было украшено фигурами гладиаторов. Он нажал на трезубец в руках одного из ретиариев. Послышался щелчок. Глаза секретаря широко раскрылись: он не знал о существовании этого тайника. Изнутри основание статуи было полым. На глазах у секретаря Пилат вынул из тайника два тяжелых кошель и снабженный печатью свиток пергамента. Каллий не осмелился спросить, что это. Секретарь Понтия Пилата давно научился держать в узде свое любопытство — слишком много он видел людей с отрезанными языками и выколотыми глазами.

Пилат спрятал свиток в складках своего одеяния и приблизился к секретарю.

— Возьми эти кошель, мы отдадим их изгнанникам, — сказал он, а затем открыл один из четырех сундуков, в которых хранил свои тоги.

Он вынул из сундука одежду и коричневый сверток. Когда сверток оказался у него в руках, Пилат ощутил боль — словно какая-то неизвестная сила сжала сердце... Насилие, царство теней и света, город усопших и живых. Казалось, кто-то зовет его оттуда, из-за моря, чьи изменчивые волны с изумрудными отсветами, обсидиановыми впадинами и бурунами пены достигали сначала безобразной и зловонной чаши безжизненного порта, а уже потом — сверкающего побережья, населенного удивительными существами.

— Это принадлежало Сыну Человеческому. Они получают ее в качестве наследства. — Других объяснений не последовало.

Каллий получил из рук хозяина таинственный сверток и последовал за Пилатом к колеснице, запряженной парой рыжих лошадей. Они покинули виллу и выехали из предместья Вьена, не возбудив подозрений у стражи и патрулей. Понтий

подкупил командиров и солдат еще в те времена, когда только поселился в Иудее. Никто из них ничего не расскажет посланным императором убийцам, если те, вооруженные мечами и кинжалами, появятся у одного из постов на подходах к городу.

Пилат улыбнулся и стегнул лошадей хлыстом. Колесницу заносило на поворотах. Каллий вцепился в борт колесницы, зажав между ногами порученный ему груз. Взгляд его был прикован к ленте дороги, по которой с силой ударили лошадиные копыта.

Колесница неслась по дороге с сумасшедшей скоростью. Рабы, направлявшиеся на поля, производившие маневры легионеры, торговцы и паломники прыгали на обочину. Колеса задевали за ступицы повозок, ноги волов, бока баранов, военные межевые знаки. Пилат, сокращая путь, свернул на дорогу, выходящую меж виноградниками, потом снова выехал на основную дорогу.

Вот и перекресток. Они ждали. Высеченный из розового мрамора бог Бахус, чья голова была украшена венком с гроздьями винограда, прижав к губам флейту, надзирал за этим местом. Столь неуместную здесь статую установил хозяин виноградников, который во времена завоевания Галлии Юлием Цезарем принял сторону римлян. Бог вина был не один. Под его защитой находилась группа людей.

Почтенного возраста бородатый мужчина, две женщины и трое детей, а чуть в стороне — двое батавских наемников застыли в напряженных позах, увидев утратившего должность и положение римского военачальника.

— Приветствую тебя, Лазарь! — сказал Пилат, сходя с колесницы. — И тебя, Марта!

На присутствующих накатила волна воспоминаний. Они словно вернулись в иерусалимский Храм, на Голгофу.

— Зачем ты заставил нас прийти сюда? Разве недостаточно вреда причинил ты нашему народу? Или ты будешь преследовать нас до самой своей смерти?

— Я играю свою роль, Лазарь. И доиграю ее до конца. Без нас с Иудой ваш Мессия не сумел бы передать свое послание миру и тебе не удалось бы обратить мужчин и женщин в новую веру. Я же, сам того не желая, а может, вдохновленный Иисусом во время допроса, изменил ход истории, унизив богов, которым служил. И перед тем как уйти в царство теней, я должен еще кое-что сделать. Вы привели детей, ничего больше мне не нужно.

Взволнованный Пилат остановил взгляд на детях — двоих мальчиках и девочке. Он всматривался в их лица, невольно искал сходство с родителями. И сходство это было поразительным. Казалось, дети совсем его не боялись. Он не осмелился погладить их по голове.

— Марта заботится о них, — сказал Лазарь, ласково глядя на сестру.

— А их мать, куда она направилась?

— Мария из Магдалы укрылась в пещере в западной части Массалии.

— Не спускай с них глаз, — сказал Пилат, обращаясь к Марте. — Эти дети — залог того, что Сын Человеческий воскреснет. Этот свиток предназначен им.

Он вынул из тоги папирус и протянул его Лазарю.

— Это свидетельство об их рождении. Там моя подпись и подпись командующего армией в Германии, моего друга Луция Ливия Оцеллы¹. Кровь Христа должна распространиться.

Он дал знак Каллию. Секретарь подошел к своему господину, неся кошель.

— Возьмите это золото. Оно поможет завязать нужные знакомства в Нарбонской Галлии. Дайте детям римское образование, это поможет им выжить. И прячьтесь, пока не умрет Калигула. К последнему совету следует прислушаться прежде всего тебе, Лазарь. Прекрати проповедовать и уезжай из Массалии.

¹ Будущий император Гальба. (Примеч. автора.)